

Эмирова ГЕНДЕР В ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Исследователи уже обратили внимание на гендерную маркированность русской фразеологии в плане содержания и прагматики. Обычно отмечается способность фразеологических единиц разного типа, преимущественно паремий, давать отрицательный аксиологический портрет женщины глазами мужчины (*Курица не птица, женщина не человек; Баба с возу – кобыле легче; У бабы волос долог, да ум короток; У бабы дорога – от печи до порога*), реже – наоборот – отрицательный портрет мужчины глазами женщины (*Муж – голова, жена – шея; Седина в волосы – бес в ребро; Сила есть – ума не надо*) [1, 2., 4, 5].

Сегодня, однако, рано говорить о становлении отдельного раздела лингвистической гендерологии, которую можно было бы назвать фразеологической гендерологией или гендерной фразеологией. Можно лишь наметить круг проблем, которые составят предмет этого раздела науки: типы гендерных фразеологических номинаций и предикаций; способы выражения грамматических значений маскулинности и феминности во фразеологии; фразеологическая параметризация мужчин и женщин; гендерно маркированные фразеологические поля; номинации мужчин и женщин, в том числе антропонимы, в составе фразеологизмов как элемент внутренней формы; отражение гендера во фразеографии и др.

Впервые на гендерную отмеченность некоторых фразеологических единиц обратил внимание Л.И. Ройзензон. Разрабатывая проблему фразеологической парадигматичности, т.е. способности фразеологизмов к изменению грамматической формы (выделены нулевая, полная и неполная фразеологическая парадигматичность), он привел примеры неполной фразеологической парадигмы на «родо-половой основе»: *гусь лапчатый*, но - **гусыня лапчатая*; *шут гороховый*, но - **шутиха гороховая*; *рубаха-парень*, но - **рубаха-девушка*; *сам с усами*, но - **сама с усами* и др. [3, с.204].

Более интересны – в гендерном плане – следующие замечания Л.И. Ройзензона: «...в русской фразеологии имеет место явление феминизации и маскулинизации УСК (устойчивых словесных комплексов – А.Э.), т.е. закрепления за той или иной ФЕ определенного объекта, на который распространяется действие лица того или иного пола» [3, с.205]; ср.: *будь мужчиной, волочится за каждой юбкой – вешаться на шею, наставлять рога* и др.

Думается, гендерная отмеченность фразеологических единиц во многом обусловлена их семантико-грамматическим (частеречным) значением. Такие единицы можно обнаружить прежде всего среди субстантивных фразеологизмов, реже – глагольных и адъективно-предиктивных.

Для анализа в данной работе были выбраны из ФСРЯ субстантивные идиомы со значением лица. Большая часть таких единиц обладает не номинативным, а предикатным (признаковым, характеризующим) значением. В гендерном отношении они в массе своей не маркированы – обозначают и характеризуют лиц обоего пола в социально-статусном, социально-ролевом, психологическом, нравственном и др. аспектах.

Идеографическая параметризация субстантивных фразеологизмов позволила выделить семантические группы, называющие и характеризующие человека по следующим признакам:

1. Социальное происхождение: *голубая кровь* – человек дворянского, аристократического происхождения; *белая кость* – человек знатного происхождения или принадлежащий к привилегированному сословию в дореволюционной России; *жеребьячья порода* – презрительное прозвище попов и др.

2. Семейное положение и родственные отношения: *дражайшая половина* – супруг или супруга, чаще – о жене; *плоть и кровь, плоть от плоти, кость от кости, кровь от крови* – 1. родной ребенок, о кровном родстве; *христовна невеста* – 2. немолодая женщина, не бывшая замужем; *седьмая вода на киселе* – очень дальний родственник и др.

3. Социальный статус: *большая рука, птица высокого полета* – влиятельный человек, занимающий видное положение в обществе; *важная птица* – человек, занимающий высокое служебное или общественное положение, обладающий весом, властью, большим влиянием.

Большая часть фразеологизмов этой группы имеет пейоративную семантику: *ноль без палочки* – ничего не стоящий, не значащий человек; *последняя спица в колеснице* – 1. человек, играющий ничтожную, незначущую роль в жизни, в обществе, в каком-либо деле; *птица низкого полета* – человек, не занимающий видного, значительного положения в обществе; *мелкая сошка* – человек, занимающий невысокое общественное или служебное положение, неавторитетный человек; *ворона в павлиньих перьях* – человек, тщетно пытающийся казаться более важным, значимым, чем он есть на самом деле; *шишка на ровном месте* – незначительный, не имеющий влияния, веса человек и др.

4. Особенности характера, преимущественно отрицательные: хитрость, лицемерие – *гусь лапчатый, продувная bestия*; робость, застенчивость – *заячья душа, божья коровка*; бесшабашность – *буйная голова, забубенная голова, бедовая головушка* и др.

5. Умственные способности: положительные – *светлая голова, ходячая энциклопедия*; негативные – *дурья голова, дубина стоеросовая, дырявая голова, мешок с соломой* и др.

6. Внешние физические качества: *коломенская верста* – человек очень высокого роста, верзила; *каланча пожарная* – очень высокий человек; *слепая курица* – близорукий, плохо видящий человек; *драная кошка* – худая, изможденная женщина; *сонная тетеря* – человек, который очень любит поспать, соня; *тепличное растение* – слабый, изнеженный человек и др.

Как было сказано выше, основная масса субстантивных фразеологических единиц со значением лица

не дифференцирована по признаку пола. Гендерная семантика может конкретизироваться и эксплицироваться в речи сочетаемостными потенциями фразеологизмов, а также широким контекстом. Ср. актуализацию фразеологических единиц со значением лица мужского и женского пола: Прежде **поп был притча во языцех, последняя спица в колеснице...** - Эта **девушка...** говорит хорошо, убежденно, - видно, не **последняя спица в колеснице**; **Он был мастер на все руки**. – **Тетя Даша была мастер на все руки**.

Анализ иллюстративной зоны словарных статей, однако, показал, что основная масса таких единиц актуализируют в речи значение лица мужского пола. Думается, здесь в скрытой форме проявляется андроцентричность языка. Маскулинный уклон семантики таких единиц, как *важная птица, птица высоко-го полета, калиф на час, заплочных дел мастер, чернильная (бумажная) душа, канцелярская крыса* и т.п., обусловлен исторически сложившейся социальной диссоциацией трудовой деятельности представителей разных полов. Несомненно также влияние лексикографических традиций: интерпретация значения слов и фразеологизмов общего рода в словарях обычно осуществляется с помощью синонимичных слов мужского рода (*чернильная душа* – бюрократ, чиновник, формалист) или субстантивных словосочетаний со стержневым компонентом *человек* (*травленный волк* – человек, испытавший в жизни многие лишения, невзгоды и приобретший опыт, знания). (Уместно вспомнить в этой связи максимуму «*Курица не птица, женщина не человек*», которая отражает русскую профанную ментальность.)

Значение лица мужского и женского пола может быть выражено лексически и морфологически – лексическим значением и системой родовых и «половых» аффиксов субстантивного компонента устойчивых словосочетаний. Ср.: *старая дева, христова невеста, подруга жизни – шут гороховый, морской волк, олух царя небесного* и др.

Гендерные различия выступают особенно рельефно при наличии лексических и словообразовательных оппозиций в составе фразеологических единиц. При этом первым членом оппозиции, как правило, выступают языковые единицы со значением мужского пола, что также можно рассматривать как проявление скрытого языкового сексизма (ср.: [1, с.182]): *раб божий* – *раба божья, соломенный вдовец* – *соломенная вдова, маменькин сынок* – *маменькина дочка, искатель приключений* – *искательница приключений, наш брат* – *наша сестра, сильный пол* – *слабый пол* и др. [8, с.62-64].

Предварительные наблюдения показывают, что аксиология мужчин и женщин в зеркале фразеологии асимметрична в количественном и качественном отношениях: как было показано выше, большая часть фразеологических единиц со значением общего рода характеризуют мужчин как с положительной, так и с отрицательной стороны; небольшое количество идиом с феминной семантической отмеченностью характеризует женщину преимущественно в отрицательном ключе: *маменькина дочка* – избалованная, изнеженная девочка, девушка; *синий чулок* – презр., пренебр., женщина, лишенная женственности, обаяния и всецело поглощенная книжными, учеными интересами; *вавилонская блудница* – крайне развращенная, распутная женщина; *вешаться на шею* – 2. навязываться, усиленно добиваться расположения, взаимности, любви (о женщине по отношению к мужчине); *трепать юбки (хвост, хвосты)* – вести распутную жизнь, распутничать (о женщине); *ходить по рукам* – 2. вступать в половые сношения то с одним, то с другим и т.д. мужчинами (о женщине); *стрелять глазами (глазками)* – 2. кокетливо, игриво поглядывать на кого-либо; *строить глазки* – игриво поглядывать на кого-либо, кокетничать с кем-либо; диал. *дикая барыня* – крикливая, не выдержанная женщина; диал. *гиблое семя* – женщина, не способная рожать; прост. *приносить в подоле* – рожать внебрачного ребенка.

Даже, казалось бы, нейтральные в аксиологическом отношении фразеологизмы *слабый пол, Евина дочь, старая дева, в девках (сидеть), ваша сестра, наша сестра* имеют в своем содержании негативную потенциальную сему, эксплицируемую с помощью ментальной процедуры выводного следствия: *наша сестра* – мы, женщины, следовательно, можем вести себя в соответствии с типичной моделью поведения женщины – лгать, кокетничать, плакать, говорить о пустяках и т.п.

Отдельная проблема – анализ фразеологических единиц, включающих в свой состав слова, обозначающие лиц мужского и женского пола, их дериваты, а также собственные имена: *базарная баба, красная девица, бабы сказки, чертова кукла; как на маланьину свадьбу*, (драть, пороть) *как сидорову козу, показать кузькину мать, куда Макар телят не гонял* и др.

К этой же группе фразеологизмов можно отнести идиомы, включающие в свой состав номинации мифологических, фольклорных персонажей разного пола. И здесь наблюдается отмеченная выше андроцентричность языка: отсутствуют единицы с компонентами *ведьма, русалка*, а идиом, включающих в свой состав слова *черт, бес* и их производные, насчитывается более 60: *бес попутал, на кой черт (бес), черт ногу сломит, до чертиков, чертова кукла, чертова перечница, как черт от ладана (убегать, отмахиваться), сам черт не брат, чем черт не шутит, черт дернул за язык, черт-те что, ни черта, у черта на куличках, черта (беса) лысого, одному черту известно* и др.

Анализ семантики этой группы фразеологических единиц можно проводить на семном уровне путем реанимации и соответствующей интерпретации, в том числе и в лингвокультурологическом аспекте, их внутренней формы.

Особая гендерно отмеченная зона во фразеологии – это инвективная (бранная) фразеология. Исследователи отмечали, что инвективы чаще используются в мужской речи. Известно, что в составе инвективной фразеологии часто встречаются слова, обозначающие и характеризующие женщину, в том числе *женщина-масть* (ср.: матерщина), а во внутренней форме таких единиц отражены акты сексуального насилия.

Исследование данного участка русской фразеологии (и лексики) табуировано морально-этическими

соображениями. Однако нет сомнения в том, что инвективная лексика и фразеология являются уникальным феноменом русского языка, весьма значимым в собственно лингвистическом, социолингвистическом (лингвокультурологическом) и прагмалингвистическом аспектах.

Намеченная в данной работе проблематика фразеологической гендерологии ждет своего дальнейшего углубленного анализа. Гендерно маркированная фразеология русского языка являет собой значимый фрагмент концептуального поля «человек», которое является базовым компонентом русской концептоферы.

Литература

1. Малишевская Д. Базовые концепты культуры в свете гендерного подхода (на примере оппозиции «Мужчина/Женщина») // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 180-184.
2. Маслова В.А. К вопросу о мужском и женском языках и о вербальном поведении мужчины и женщины // Уполномоченное образование – путь в третье тысячелетие. Матер. междунар. научно-практ. конф. Киев, 19-23 декабря 1999. – Киев, 2000. – с. 9-12.
3. Ройзензон Л.И. Лекция по общей и русской фразеологии. – Самарканд: Изд-во СамГУ, 1973. – 223 с.
4. Семиколенова Е.И. Гендерный анализ как способ исследования «человеческого фактора» в языке // Уполномоченное образование – путь в третье тысячелетие. Матер. междунар. научно-практ. конф. Киев, 19-23 декабря 1999. – Киев, 2000. – с. 12-19.
5. Синельникова Л.Н., Богданович Г.Ю. Введение в лингвистическую гендерологию. – Луганск – Симферополь, 2001. – 40 с.
6. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 288 с.
7. ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – Изд. 4, стереотипное. – М.: Русский язык, 1986. – 543 с.
8. Эмирова А.М. Русская фразеология в коммуникативном аспекте. – Ташкент: Фан, 1988. – 92 с.